

An aerial photograph of a man and a woman walking hand-in-hand on a sandy beach towards the ocean. The man is on the left, wearing a white t-shirt and dark shorts. The woman is on the right, wearing a long, flowing white dress. The ocean waves are breaking in the background, creating white foam. The overall scene is bright and romantic.

Кира Алиева

Третий
шанс

Кира Алиева
Третий шанс

«Автор»

2026

Алиева К. К.

Третий шанс / К. К. Алиева — «Автор», 2026

Я вижу: на комодe, рядом с его часами, светится экран телефона. Тонкая полоска голубоватого свечения в ночной темноте. Как глаз циклопа, пристальный и не моргающий. «Не надо, — мгновенно проносится в голове. — Это просто уведомление. Какое-нибудь приложение. Или обновление системы. Не надо». Но ноги уже несут меня к комоду. Без моего разрешения. Руки, холодные и чужие, тянутся к телефону. Палец сам проводит по экрану. Тихий щелчок. Приглашение в предательство. Я беру телефон и, как вор, на цыпочках выхожу из спальни. Закрываюсь в ванной. Сажусь на холодный кафельный пол, прислонившись спиной к двери. «Позволь себе не быть марионеткой, — шепчу я сама себе. — Позволь себе знать». И я начинаю читать.

Кира Алиева

Третий шанс

Третий шанс

Глава 1

Мы идем с Варей из детского сада по нашему обычному маршруту под серым, низко нависшим осенним небом. День выдался промозглым и хмурым – холодный ветер срывает с деревьев последние желтые листья, кружит их в воздухе вихрями и швыряет под ноги, пропитывая все вокруг запахом сырости и гниющей листвы. Мелкий дождь моросит не переставая, заставляя капли стекать по моим волосам и воротнику пальто, а асфальт блестит скользкой, маслянистой пленкой. Варя, закутанная в яркий комбинезон и шарфик, что-то увлеченно рассказывает, размахивая пухлыми ладошками с зажатой в них пластилиновой поделкой – фигуркой смешного ежика. Я невольно улыбаюсь, гляжу на нее, стараясь отогнать внезапный озноб, который пробирает не только от сырости, но и от какой-то смутной тревоги, поселившейся в груди еще с утра.

Мы проходим мимо «У фонтана» – того самого уютного кафе с теплым светом в панорамных окнах, которое стало для нашей семьи почти сакральным местом. Мы часто заглядывали сюда втроем, чтобы отпраздновать наши маленькие триумфы: успех моего первого мастер-класса в «Школе искусств», ту грамоту от районной администрации за вклад в развитие района или просто удачный день, когда поток клиентов не иссякал. Кафе манит ароматом свежей выпечки и кофе, обещая уюта и тепла в любую непогоду.

Я случайно бросаю взгляд в панорамное окно и замираю, как вкопанная. За нашим любимым столиком в глубине зала, у окна с видом на фонтан, сидит Валентин. Мое сердце замирает – пару секунд я глупо надеюсь, что это деловая встреча с очередным поставщиком, как он часто оправдывается своими поздними отлучками. Но реальность ударяет под дых, острее любого ножа. Рядом с ним сидит молодая женщина с роскошными длинными волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в идеальные волны. Она одета в облегающее платье цвета слоновой кости, которое подчеркивает стройную фигуру, и на шее у нее поблескивает тонкая золотая цепочка – такая же, которую я видела в витрине ювелирного на прошлой неделе.

Сердце снова пропускает удар, когда я перевожу взгляд на Валентина. Он смотрит на нее с тем особенным, бесконечно нежным восхищением, которое я всегда считала своей исключительной привилегией – тем взглядом, от которого тают мои колени, а вселенная сужается до нас двоих. Весь промозглый вечер вокруг перестает существовать: ни дождь, ни ветер, ни щебет Вари – только эта сцена, выжженная в моем сознании. Я наблюдаю, парализованная ужасом и неверием, как его пальцы медленно и ласково поглаживают ее руку, скользя по запястью. Женщина улыбается – игриво, наклоняясь ближе, и ее губы шевелятся в тихом шепоте, который я, конечно, не могу услышать, но чувствую каждой клеткой.

А затем происходит то, что окончательно выбивает почву из-под ног, превращая мою душу в руины. Валентин привычным жестом – тем самым, который я вижу, когда он достает кошелек для семейных трат – запускает руку во внутренний карман своего пиджака и достает оттуда толстую пачку пятидесятичных купюр, перевязанную резинкой. Он кладет деньги перед ней так спокойно и обыденно, словно просто оплачивает счет за ужин, а не предает все, что между нами было свято. Она, не тая восторга, убирает эти проклятые купюры в свою сияющую стразами сумочку с улыбкой сытой, довольной кошки – жест такой естественный, такой отточенный практикой, что мороз пробегает по моей спине.

В этот момент мир вокруг меня окончательно рушится. В ушах звенит невыносимый звон, заглушающий нарядный шум кофейни, плеск фонтана и даже голос Вари. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в крошечную ручку дочки – такую теплую, такую доверчивую. Она

увлеченно щебечет о своем ежике, размахивая поделкой, не замечая, что ее мать только что превратилась в соляной столп, окаменевший от предательства. Внутри меня взрывается стихийное, первобытное желание: ворваться туда, опрокинуть этот чертов столик с фарфоровыми чашками, сорвать маски и закричать так, чтобы задрожат стекла и разбежались посетители. Мне хочется видеть его страх, его растерянность, его ложь, разлетающуюся в клочья.

Но я смотрю вниз. Огромные, доверчивые глаза Вари, в которых отражается бесконечное солнце ее детской радости, останавливают меня, как якорь. Я не могу разрушить ее космос здесь, среди запаха ванили и фальшивого уюта. Сглатывая подступивший ком, я разворачиваюсь резко, словно от удара. Мои ноги становятся ватными, чужими, будто я заново учусь ходить по этой земле, которая теперь кажется мне враждебной и холодной, как эта осень. Мы идем мимо глянцевого дома нашего престижного района, мимо витрин, где совсем недавно мы с таким азартом выбирали мебель для студии, мимо припаркованных машин, сверкающих хромом под тусклым светом фонарей. Каждый шаг отдается резкой, жгучей болью под ребрами, а ветер хлещет по лицу, смешиваясь со слезами, которые я не позволяю себе пролить.

Как быть? Этот вопрос пульсирует в висках, разрывая меня изнутри, словно раскаленные клещи. Я стою посреди нашей идеальной, выверенной до мелочей «успешной жизни» – с ее дизайнерским ремонтом, семейными фото на стенах и планами на будущее – и понимаю, что фундамент, на котором я строю свой храм, оказался гнилым месивом лжи. Но самым страшным стала не сама измена, хотя она жжет, как кислота. А эти пятитысячные купюры. Овеществленное предательство. Неужели это деньги «Студии»? Нашего общего детища, в которое я вкладываю не просто силы – я вливаю в него свою душу, веру, бессонные ночи и любовь. Деньги, которые мы по крупинкам собираем для нашего будущего, для независимости, для Вари, для ее образования и сказок на ночь... Он отдает их этой женщине так легко, словно это просто сдача после кофе.

А ведь всего утром, под тем же серым небом, все было иначе. Я стою у машины на подъездной дорожке, еще сонная, провожая его на работу. Он выглядит таким родным – небритый, в любимой рубашке, которую я гладила вчера вечером. "Удачного дня, любимый" – шепчу я, он притягивает меня к себе, не отрывая взгляда. Наши губы встречаются в страстном, жадном поцелуе – таком, от которого кружится голова, а тело вспыхивает знакомым огнем. Его руки скользят по моей талии, прижимая ближе, и он шепчет: "Пока, солнышко". Я таю, как всегда, веря каждому слову, каждой ласке. Я и подумать не могу, что у него есть любовница – эта паразитка с идеальными волосами, что всего через несколько часов он будет смотреть на нее тем же взглядом, ласкать ее руку и отсчитывать наши общие деньги, словно конфеты из рожка. Как я могла быть такой слепой?

Я останавливаюсь на пороге нашего дома – нашего общего проекта, нашей крепости с белыми стенами, панорамными окнами и ароматом лаванды от диффузора. Ключ в руке дрожит, холодный и тяжелый, как свинец. Дождь усиливается, барабанил по навесу, а Варенька тянет меня за руку: "Мамочка, пошли домой, я устала!" В этот миг я понимаю, что стою на краю бездны. Переступить порог и надеть маску равнодушной тишины, готовить ужин и улыбаться, как ни в чем не бывало? Сделать вид, что я ослепла, глуха и счастлива? Или встретить его у дверей с вопросом, который, я знаю наверняка, превратит всю нашу сказку в пепел – "Кто она, Валентин? И почему наши деньги теперь в ее сумочке?"

Глава 2

Я вхожу в квартиру, стяхивая с волос капли дождя, Варя тут же срывается с места, бросив рюкзачок у двери.

– Мам, можно мультики? Пожалуйста!

Я киваю, улыбаясь сквозь ком в горле:

– Конечно, солнышко. Садись на диван, я сейчас принесу тебе чай с печеньками.

Она плюхается на подушки, включает свой любимый канал с яркими зверушками, и ее личико тут же освещается счастьем – окружение мультиков надежнее всего на свете.

Я чмокаю ее в макушку и тихо ухожу в ванную, запираясь на защелку.

Включаю кран на полную, чтобы шум воды заглушал мои всхлипы, сажусь на край ванны и даю волю слезам. Вода льется холодной струей, смешиваясь с солеными дорожками на щеках, а в голове вихрем проносятся воспоминания – те самые, светлые, как летний рассвет.

Мы знакомимся на лекции по теории живописи в университете. Нам по девятнадцать, мы такие молодые, красивые, наивные – полные грез о большом искусстве и большой любви. Преподаватель решает соединить нашу группу с другой для совместного проекта, и вот я вижу его: светловолосого голубоглазого мальчишку в потертой джинсовке, с улыбкой, от которой сердце замирает. Валентин сидит на подоконнике, жуя яблоко, и шутит с одноклассниками так заразительно, что вся аудитория хохочет. "Эй, художница, – подмигивает он мне, – давай нарисуем революцию красок?" Я краснею, но отвечаю: "Только если ты будешь моей музой".

Наш юношеский роман разгорается, как лесной костер. Он ухаживает за мной просто, трогательно – без ресторанов, но с такой заботой, что я не сомневаюсь во взаимности. Приносит полевые цветы, сорванные по дороге: ромашки, васильки, колокольчики, перевязанные бечевкой. Я смеюсь, когда он, смущаясь, пытается спеть мне старую песню под гитару, фальшивя, но с такой страстью.

У него всегда прекрасное чувство юмора: он пародирует препода, сочиняет глупые стишки про мои кудри и умеет рассмешить меня даже в хмурый день. Его харизма цепляет меня крепче любого каната – этот парень из простой многодетной семьи, с руками, огрубевшими от работы, живой, настоящий, полный огня.

Я же расту в состоятельной семье – папа владеет крупным строительным бизнесом, мама следит за всем этим хозяйством. Но они растят меня в духе: "Докажи сама, что чего-то стоишь". У меня самые обычные подруги – мы болтаем о парнях, экзаменах и шмотках из секунда. Заносчивость – это не про меня, до сих пор. Папа, конечно, покупает мне однокомнатную квартиру еще на первом курсе, но я в ней не живу. Если бы я получила права, он тут же подарил бы мне модный автомобиль, но я хочу простой жизни: ходить на лекции с девчонками, гулять после пар с Валентином по парку, есть мороженое на скамейке. Мне такая жизнь мила – без блеска, зато с теплом.

Многие шепчутся: "Софа, он тебе не ровня". Мама пару раз намекает: "Доченька, ты могла бы рассчитывать на красавчика с дипломом и связями". Но я вижу в нем равного – душу, которая горит ярче любых денег. После университета мы устраиваем настоящую сказочную свадьбу – шумную, богатую, на весь город! Папа снимает роскошный зал в ресторане с хрустальными люстрами и живым оркестром, столы ломаются от изысков: икра, трюфели, шампанское рекой. Гостей сотни – друзья, родственники, коллеги папы с их шикарными женами в мехах. Я захожу под звуки мэнюэта в платье своей мечты: струящееся белое атласное с открытой спиной, расшитое жемчугом и кружевом, шлейф метра два, корсет идеально обнимает фигуру, а фата из тончайшего тюля ниспадает каскадом. Валентин стоит у окна в строгом смокинге, словно сказочный принц, его глаза горят только для меня – он не отрывает взгляда, шепотом повторяет: "Ты моя богиня". Мы кружимся в первом вальсе под бурные аплодисменты, шампанское искрится в бокалах, а над рестораном расцветает ослепительный фейерверк. Гости кричат "Горько!" до хрипоты, и эта ночь становится чистым волшебством, где сбываются все мечты.

Ни тогда, ни за все шесть лет нашей совместной жизни я и не задумываюсь, что всему этому может когда-нибудь прийти конец. Я так безумно влюблена в Валентина, что доверяю ему на все двести процентов – он мой мир, мой воздух. И он отвечает той же страстью: в этом не усомнился никто за все наши годы – друзья завидуют, мама тает, папа гордится: "Валик – золото, любит тебя по-настоящему". Мы женимся и переезжаем в ту самую папину квартиру.

Валентин работает в фирме отца менеджером по поставкам. Он старается изо всех сил, учится на ходу, и у него получается блестяще. Отец хвалит его: «Голова на плечах». Зарплата растет, и мы копим на свои мечты.

Я работаю в фирме папы год, а затем ухожу в декрет. Вскоре рождается наша Варенька – крохотная, с голубыми глазами отца и моими кудряшками. Мы так счастливы, что стали полноценной семьей! Лежим ночами втроем на узкой кровати и шепотом делимся планами. Мы по-настоящему богаты любовью.

Когда Варе исполняется годик, я ловлю себя на мысли, что наша крошка – истинная художница. Она размазывает пальчиками краски по бумаге, лепит из пластилина смешные мордочки и даже пытается «рисовать» на стенах. Я смотрю на нее и вспоминаю свое детство: как папа водил меня на уроки рисования, как я часами витала в мире красок и форм. «А что, если...» – мелькает в голове. Идея рождается внезапно, как вспышка: открыть школу искусств для детей. Не просто кружок, а настоящую студию, где малыши с двух лет развивают талант через живопись и лепку. Я представляю яркие классы с мольбертами, маленькие ручки, сжимающие кисти, и счастливые лица родителей.

Вечером я укладываю Варю спать и тяну Валентина на кухню. Мы завариваем чай и садимся за стол – он усталый после работы, но с той самой теплой улыбкой.

– Слушай, милый, – начинаю я, волнуясь, как девчонка, – у меня идея. Давай откроем школу искусств! Для самых маленьких. Я займусь всем бумажным: регистрацией, договорами, поиском помещения. А ты станешь гением технической части: спроектируешь классы, освещение, сделаешь интерактивные панели. Мы сами, без папиных денег, докажем всем, что можем!

Валентин замирает с чашкой в руках, а потом его глаза загораются – точно так же, как в день нашей свадьбы.

– Школа искусств? Для карапузов? Софиюшка, это гениально! – он вскакивает, обнимает меня и кружит по кухне. – Ты – мой вдохновитель! Я уже вижу это: экологичные материалы, светлые студии, мои системы вентиляции и подсветки. Мы сделаем лучшую школу в городе!

Он в восторге, целует меня и так и сыплет идеями: «А VR-очки для виртуальных галерей? А 3D-принтеры для лепки?» Мы говорим до полуночи, рисуя наброски прямо на салфетках. Его поддержка окрыляет меня – он не просто соглашается, он загорается, как факел.

Варе два года, и мы открываем «Школу искусств» – нашу собственную студию. Я отвожу дочку в детский сад, хотя она еще не совсем готова к садовой жизни: плачет по утрам и цепляется за мою юбку крохотными ручками. Но я знаю – это правильно. Мне очень хочется помочь Валентину: дать ему шанс заработать на наше будущее и воплотить мечту своими силами. Конечно, я могла бы попросить денег у папы, но нет! Мне важно доказать и себе, и завистникам, шептавшим когда-то «он тебе не ровня», что мой Валентин – самый лучший. Он добивается всего сам.

Вся юридическая и организационная сторона лежит на мне. Я регистрирую ИП, бегаю по инстанциям, ищу помещение в центре, нанимаю педагогов, оформляю рекламу. Валентин, талантливый инженер с творческой жилкой, отвечает за технику: проектирует вентиляцию, устанавливает умное освещение, сооружает подиумы и стеллажи из дерева. Он даже придумывает «волшебные столы» с подсветкой для рисования в темноте.

Мы открываем двери в сентябре. Первый день проходит волшебным образом: двадцать малышей, родители в восторге, а Варенька гордо сидит за мольбертом. Валентин обнимает меня на виду у всех и говорит: «Мы сделали это вместе, любимая». В этот миг я – счастливее всех на свете.

Глава 3

Осеннее солнце пробивается сквозь щели в шторах тонкими, острыми иглами. Это особенное утро – холодное, лишенное летней неги. Свет не согревает, а безжалостно обнажает каждую деталь в спальне: ворсинки на ковре, трещинку на плафоне, пылинки, застывшие в ледяном оцепенении. Золотые лучи ложатся на одеяло, подчеркивая только серость наступившего дня, приносящего с собой не облегчение сна, а тяжелую, свинцовую ясность.

Рядом раздается мерное, безмятежное храпение Валентина. Этот звук, когда-то домашний и уютный, теперь вызывает лишь глухое раздражение. Он спит так спокойно, словно вчерашнего предательства не существует, словно наша жизнь не рухнула в одночасье, когда я увидела его в кафе с другой. Я гляжу на его расслабленное лицо и чувствую странную пустоту. Буря, бушевавшая в душе ночью, утихла, оставляя после себя выжженную землю. Желание кричать или бить посуду сменилось холодным, почти хирургическим безразличием.

Вчера я встретила его в коридоре сухо, без слез. Просто сказала, что иду спать, и заперлась внутри себя. Ночью я мучаюсь от мыслей о Вареньке – их связь с отцом неразрывна, они «не разлей вода». А мой папа? Если он узнает, он вышвырнет Валентина из нашей жизни одним быстрым, властным движением, не глядя на заслуги и годы брака. От этих мыслей, устав от невидимых миру слез, я забываюсь тяжелым сном.

– Доброе утро, – бормочет он, потягиваясь.

– Доброе, – отвечаю я, поражаясь собственному голосу. Он звучит ровно, как у диктора новостей.

Завтрак проходит в звенящей нормальности. Я варю кофе, накладываю кашу Варю, подаю Валентину тосты. Я наблюдаю за собой со стороны и удивляюсь своей выдержке. Мое терпение превращается в стальной каркас, который не дает мне рассыпаться. Валентин шутит с дочкой, целует её и ни один мускул на его лице не дрогнет от груза лжи.

– Я в душ, – бросает он, когда тарелки пустеют. – Потом отвезу вас.

Я собираю Варю в детский сад. В коридоре стоит тишина, прерываемая лишь шумом воды из ванной. И тут на тумбочке звякает его телефон.

Я никогда не была из тех женщин, что шпионят по карманам или проверяют переписки. Мы живем в полном, абсолютном доверии – по крайней мере, я так думаю. Но в этот момент какая-то неведомая сила заставляет меня подойти ближе. Экран вспыхивает, и во всплывающем окне я вижу сообщение от неизвестного номера: «Я хочу тебя».

Все вокруг окончательно замирает. Никаких сомнений не остается. Связь моего мужа с той девушкой из кафе оказывается далеко не мимолетным знакомством. Это не «ошибка» или минутная слабость. Вряд ли за разовую интрижку поощряют плотными свертками пятитысячных купюр, которые я видела вчера. Эта связь – давняя, прочная, выстроенная за моей спиной.

Валентин, талантливый инженер-архитектор, и здесь остается верен себе. Он проектирует свою двойную жизнь так тщательно, как лучшие здания: с надежным фундаментом лжи и безупречным фасадом семейного благополучия. Пока я строю уют и верю в наше «навсегда», он выстраивает проект моего уничтожения, выверяя каждый миллиметр обмана.

Я смотрю на Варю и понимаю: как бы ни светило осеннее солнце, тепла в этом доме больше не будет. Проект «Счастливая семья» официально признан аварийным.

Я медленно поднимаю телефон. Рука дрожит, но пальцы холодные и точные. Я открываю переписку. Сообщений не так много, но каждое режет по живому. Лаконичные, деловые, но от этого еще более страшные. От него: «Жду тебя в пятницу в 19:00. Старое место», «Деньги получила?». От нее: «Надо обсудить дальнейшие шаги». От него: «Я знаю, что делать. Не волнуйся». И последнее, сегодняшнее, от нее: «Я хочу тебя».

Я закрываю глаза. В голове проносятся обрывки последних месяцев. Его частые «встречи с друзьями», которые затягиваются до ночи. Новый пароль на ноутбуке. Разговор о том, что старый знакомый предложил ему проект в какой-то подрядной организации. Взгляд, который

стал скользить мимо меня. Я списывала все на усталость, на стресс. Оказывается, проект был один – «она».

Из ванной доносится звук бритвы. Он скоро выйдет. Улыбнется, поцелует Варю, возможно, даже обнимет меня. И пойдет строить свою новую жизнь, сметая старую, как строительный мусор.

Я опускаю телефон на тумбочку. Точнее, почти опускаю. В последний момент палец нажимает на кнопку блокировки экрана. Сообщение исчезает непрочитанным.

– Мама, я готова! – Варина ручка тянет меня за подол пальто.

Я оборачиваюсь. Моя дочь смотрит на меня большими, чистыми глазами. В них отражаюсь я – растерянная, преданная, разбитая.

И в этот миг что-то внутри переключается. Боль, ужас, отчаяние – они никуда не деваются. Они заполняют меня до краев ледяной тяжестью. Но поверх этого льда начинает нарастать другая субстанция. Холодная, твердая, кристально-острая. Ярость? Нет. Нечто более рациональное.

Дверь в ванную открывается. Валентин выходит, улыбаясь, в полотенце на бедрах.

– Все в порядке? – спрашивает он своим обычным бархатным голосом.

Я смотрю на него. Смотрю не как жена, которая только что узнала страшную правду. А как архитектор, изучающий чертеж чужого, враждебного сооружения. Я вижу каждую трещину в его фасаде, каждый слабый несущий элемент его лжи.

– Все в порядке, – говорю я, и мой голос звучит удивительно ровно. – Мы дойдем сами.

Я веду Варю в сад. Целую ее у ворот, улыбаюсь воспитательнице. А сама думаю. Не о том, как он мог. А о том, что он сделал. И, главное, что он планирует сделать дальше. Сообщения говорят о «дальнейших шагах». Значит, это не конец. Это только начало какого-то плана.

Возвращаясь домой, я уже не плачу. Я думаю о том, как безжалостно он разрушил мой мир. Хорошо. Значит, я построю новый. Но сначала мне нужно аккуратно, по кирпичику, разобрать его собственное шаткое сооружение. И сделать это так, чтобы при обрушении он не увлек за собой нашу дочь.

Я открываю дверь в квартиру. Он уже одет, пьет кофе на кухне.

– Вернулась? Почему меня не дождались? Я хотел вас подвезти! – говорит он, не отрываясь от телефона. – Сегодня, возможно, задержусь. Важный клиент.

Я киваю, подхожу к окну. За стеклом – наш двор, детская площадка, где Варе нравится качаться.

– Хорошо, – тихо отвечаю я. – Делай, что должен.

И пока он собирается, я уже мысленно начинаю рыть котлован. Глубокий и надежный. Для фундамента моего ответа. Я еще сама не понимаю, каким будет этот ответ, но знаю – он будет окончательным.

Глава 4

Проходит три дня с того кошмарного вечера, когда я увидела Валентина в кафе с любовницей. Три дня ада, где каждая минута – пытка. Я держусь из последних сил, улыбаюсь дочери, веду уроки в школе искусств, но внутри меня завывает ураган. Ненависть, боль, жажда мести – все смешивается в один комок, который душит по ночам. А он? Он ведет себя как ни в чем не бывало: по утрам целует меня в щеку, спрашивает, как дела, и уезжает "по делам". Я молчу. Затаилась. Жду момента.

Сегодня среда, и Валентин должен ехать в соседний город – оформить покупку новых мольбертов для нашей школы искусств. Это важная поездка: переговоры с поставщиком, контракт, подписи. Изначально я планирую поехать с ним – мы часто ездим вместе на такие

выезды, болтаем о планах, мечтаем о расширении. Но на этот раз... Нет. Я не могу. Сидеть с ним в машине два часа в одну сторону? Молчать? Улыбаться? Я знаю: нервы сдадут, и я сорвусь. Выплесну все.

– Едем вместе? – спрашивает он утром, застегивая куртку.

Я качаю головой и отвечаю ровно, будто говорю о погоде:

– Не выйдет. Мне надо добить документы для налоговой: счета, отчеты – все навалилось.

Если не сделаю сейчас, потом утону.

Он смотрит на меня пару секунд, потом без споров пожимает плечами.

– Ладно. Тогда поеду один. К вечеру буду.

– Хорошо, – говорю я.

Он наклоняется, целует меня в лоб и уже в дверях добавляет:

– Не перерабатывай.

– Постараюсь.

Дверь хлопает. Через минуту под окнами ревет мотор его машины – и в квартире становится тихо. На улице уже вовсю хозяйничают первые ночные заморозки. Осень вгрызается в город зубами: листья мокнут под дождем, превращаются в грязную кашу, небо висит низко, тяжелое, как свинец. Ветер хлещет по стеклам, стучит каплями, словно молотком по сердцу. Погода добавляет хаоса в мои мысли.

Три часа дня, а уже сумерки. Я сижу в своем кабинете – маленькой комнатке на втором этаже школы искусств, заваленной холстами, кистями и стопками бумаг. Пытаюсь сосредоточиться: сортирую счета, вписываю цифры в таблицы. В голове крутится одно: он возвращается, и что дальше? Развод? Скандал? Или я притворяюсь, что ничего не видела?

Звонит телефон. Резко, как выстрел. Я хватаю трубку, не глядя на экран.

– Алло? Школа искусств, слушаю.

На том конце провода – незнакомый голос. Женский, усталый, с ноткой спешки. Медсестра? Врач? Не знаю.

– Добрый день. Вы жена Валентина... эээ... – шорох бумаг, – Валентина Сергеевича? Это из больницы скорой помощи, городская клиническая, отделение реанимации.

Сердце ухает в пятки. Я замираю, трубка чуть не выпадает из руки.

– Да... Я его жена. Что случилось?

Пауза. Долгая, как вечность. А потом слова, от которых жизнь раскалывается пополам:

– Ваш муж попал в аварию. На скользкой дороге, не справился с управлением. Влетел под грузовик и его отбросило в кювет. Множественные переломы: ребра, ноги, возможно, позвоночник. Состояние стабильное, но тяжелое. Приезжайте, пожалуйста. Нам нужно ваше присутствие для документов и... ну, вы понимаете.

Слова бьют, как пощечины. Авария. Переломы. Больница. Он жив? – это первое, что проносится в голове. А потом... слезы. Они катятся градом. Мир обрывается еще раз – но теперь иначе. Не от предательства, не от ярости. От ужаса. От любви, которую я думала, что потеряла. Валентин... мой Валентин... Измена? Какая измена? Какая любовница? Все это вдруг кажется мелким, глупым, неважным. Лишь бы он был жив. Лишь бы дышал. Лишь бы я могла взять его за руку, прошептать: "Я люблю тебя. Не уходи".

Я всхлипываю в трубку:

– Я еду! Сейчас! Адрес?

Она называет. Я бросаю телефон, хватаю сумку – не глядя, сумка шлепается на пол, из нее вываливаются ключи, помада, блокнот. Не подбираю. Вылетаю из кабинета, спотыкаясь о стулья. По коридору – бегом, мимо классов, где дети рисуют акварелью. "София Эдуардовна! Что с вами?" – кричит кто-то из учителей. Не отвечаю. Выскакиваю на улицу.

Капли дождя бьют по лицу, смешиваясь со слезами. Ветер рвет куртку. Я не жду такси – знаю, в такой час пробки, а каждая минута – вечность. Бегу к дороге, поднимаю руку, ловлю

машину. "В больницу! Скорой! Пожалуйста!" Первая проезжает мимо. Вторая – тоже. Третья притормаживает. Старый седан, водитель – мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами.

– Куда? – бурчит он.

– В городскую клинику! Травматология! Быстрее, умоляю!

Я вваливаюсь на заднее сиденье, всхлипываю, вытираю лицо рукавом. Машина рвется. В голове – только одна мысль, бьющаяся, как молот: Я люблю его. Люблю! Не готова жить без него. Не хочу его терять. Прости, Валентин. Все прощу. Измену, ложь – все. Только живи. Дыши. Будь со мной. С Варенькой. Мы справимся. Вместе.

Окна машины запотевают от моих слез. Впереди – больница. Впереди – он. Мой муж. Моя жизнь. И пусть все рушится, лишь бы он выжил.

Я влетаю в больницу с одной мыслью: сейчас, сию секунду, увижу его. Сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди. В глазах стоит туман – от слез, от дождя, от ужаса.

– Муж, Валентин Семенов, – выпаливаю я дежурной медсестре за стойкой, задыхаясь. – Его привезли с ДТП. Где он? Я к нему.

Женщина поднимает на меня усталый взгляд, медленно пролистывает журнал.

– Семенов... Да, поступил. Тяжелая сочетанная травма. Перелом бедра со смещением, перелом ребер, множественные ушибы, сотрясение. Сейчас он в отделении реанимации и интенсивной терапии.

– Я к нему, – повторяю я, уже не прося, а требуя. – Я его жена.

– В реанимацию вход посторонним запрещен, – голос медсестры ровный, безразличный, отточенный годами таких вот разговоров с обезумевшими родственниками. – Вам нужно заполнить документы. И подписать согласия.

Она протягивает мне стопку бумаг. Листы сливаются в белое месиво. Где ставить подпись? Что я подписываю? Согласие на операцию? На переливание крови? На то, что они могут его... нет, не думать об этом. Рука дрожит, буквы пляшут. Я ставлю закорючку, похожую на подпись, в отведенных местах, не вникая. Лишь бы быстрее.

Когда последний лист подписан, я оборачиваюсь к двери, ведущей в реанимацию. Там, за этой дверью, он. Дышит. Борется.

– Все, я пошла, – говорю я, больше себе, чем медсестре.

В этот момент дверь открывается. Выходит молодой врач в зеленом хирургическом халате, с усталым, но сосредоточенным лицом. Он снимает шапочку, проводит рукой по волосам.

– Родственники Валентина Семенова? – произносит он, окидывая взглядом приемную.

– Я! Жена! – шагаю вперед, хватаюсь за край стойки, чтобы не упасть.

Врач кивает, и в его глазах мелькает что-то похожее на облегчение.

– Ваш муж пришел в сознание после операционного наркоза. Состояние стабильно тяжелое, но критический период миновал. Операция прошла успешно.

У меня подкашиваются ноги. Я прислоняюсь к стене.

– Что... что с ним? Что вы сделали?

– Открытый остеосинтез, – говорит врач. – Перелом бедренной кости сложный, со смещением отломков. Мы совместили их и зафиксировали металлической конструкцией – интрамедуллярным штифтом. Это стержень, который вводится в костномозговой канал. Он будет удерживать кость в правильном положении, пока та срастается.

Слезы снова наворачиваются на глаза, но теперь это слезы облегчения. Он жив. Он в сознании.

– Я могу... увидеть его? Хотя бы на минуту? – голос срывается на шепот.

– Сегодня – нет. Ему нужен полный покой. Завтра, если динамика будет положительной, возможно, переведем его в палату интенсивной терапии, и тогда короткие посещения. Сейчас

его организм борется с последствиями травмы и операции. Лучшее, что вы можете сделать, – это сохранять спокойствие и быть на связи.

Я выхожу из больницы в тот же холодный, промозглый день. Но реальность вокруг меняется. Она больше не враждебная, серая пустыня. Она место, где мой муж дышит. Где в его бедре находится кусок медицинской стали, скрепляющий его, а значит, и нас.

Я сажусь в такси, уже не рыдая, а просто глядя в запотевшее стекло. Завтра. Нужно продержаться до завтра. Сообщить Вареньке, что папа будет дома, что ему просто нужно время. Придумать, как сказать это пятилетнему ребенку. И ждать. Ждать утра, когда эти двери откроются для меня. Когда я увижу его глаза – скорее всего, мутные от лекарств, но его. И скажу то, что не сказала утром. Скажу тихо, чтобы не напугать, но так, чтобы он услышал сквозь морок боли и наркоза.

Я люблю тебя. Мы справимся. Вместе.

Глава 5

Три месяца спустя наша квартира наполняется звуками, которые я уже не надеялась услышать так скоро: звоном тарелок, детским смехом и тяжелым, но уверенным стуком костылей по паркету. Валентина выписали.

Врачи называют это чудом и хвалят его «молодой, крепкий организм». Кости срастаются идеально, и хотя в бедре всё еще прощупывается холодный металл, на рентгеновских снимках всё выглядит так правильно, будто и не было того страшного вечера.

На праздничный ужин приходят все: мои родители и родители Валика. Мама суетится на кухне, пытаясь накормить зятя всем лучшим сразу, а наши отцы сидят в гостиной, по очереди проверяя на прочность новые костыли и давая советы по «эксплуатации».

– Ну что, Валя, – папа хлопает его по плечу, – теперь ты у нас официально «железный человек». В аэропорту на досмотре будешь звенеть, готовься к пристальному вниманию.

– Главное, чтобы на кассе в супермаркете не магнитил, – отшучивается Валентин, пристраивая костыли у подлокотника кресла.

Мы смеемся. Варенька крутится рядом, пытаюсь украсить гипс папы своими наклейками с единорогами, и в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что мне легко. По-настоящему легко.

За эти бесконечные месяцы – между стерильными запахами реанимации, суточными дежурствами, заботами о дочке и попытками удержать на плаву дела в школе искусств – из моей головы совершенно вылетает то, что еще недавно казалось концом света. Я смотрю на мужа, который осторожно, морщась от привычной боли, тянется за бокалом сока, и не чувствую ни капли той обжигающей обиды.

Удивительно, как беда умеет расставить приоритеты. Всё то, что я знаю о его измене, те сообщения, та женщина – всё это стирается, блекнет, припорошивается госпитальной пылью. Глядя, как он живёт, дышит и улыбается нашей дочери, я понимаю, что правда бывает разной. Бывает правда фактов, а бывает правда жизни. И сейчас его жизнь для меня важнее любой измены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.